

НАША СТРАНА

Год издания 68-й. Буэнос Айрес, 17 сентября 2016 "NUESTRO PAÍS" Buenos Aires, sábado 17 de setiembre de 2016 No. 3045

О ГЕРОЯХ И ПРЕДАТЕЛЯХ ВТОРОЙ МИРОВОЙ

К 75-ЛЕТИЮ ОСНОВАНИЯ РУССКОГО КОРПУСА НА БАЛКАНАХ 12 СЕНТЯБРЯ 1941 ГОДА

В путинской Эрефии пропагандная кампания по возвеличению Сталина, как героя-победителя Второй Мировой войны, не снижает обороты. И одним из её элементов является очередная попытка очернить, ошельмовать "предателями" русских патриотов, в те годы с оружием в руках сражавшихся против Советской Армии – воинов Русского Корпуса на Балканах, Российской Освободительной Армии генерала Власова, казачьих формирований Краснова и Шкуро и других антибольшевицких воинских частей.

В последние годы лишь считанные книги, как например труды бывшего городского головы Москвы Гавриила Попова и священника Георгия Митрофанова, попытались донести до общественного сознания правду о том, что так называемые "коллаборационисты" были вовсе не предателями. Как я уже писал, они были "утилизационистами", пытались утилизировать, использовать немцев для освобождения России от жесточайшей тирании коммунизма. И являлись третьей силой в войне.

Более того, они были истинными героями, которые в невозможной ситуации, между молотом и наковальней, оставались верными делу свободы России до конца.

В пропагандной кампании, поющей дифирамбы сталинским генералам и имеющей целью опровергнуть генералов-антикоммунистов, играет роль и верхушка Московской Патриархии. Так, знаменитому "духовнику" Путина, Тихону (Шевкунову) принадлежит определение: «Пока дети в России, угадывая имя героя войны, будут называть генерала Карбышева, а не генерала Власова, у нашей страны есть будущее». Будущее советское, нерусское...

Апология сталинской "Победы" – это «историческая политика», и никакого отношения к поискам исторической правды не имеет. Дальше искажая прошлое, путинская историография лишает страну возможности иметь русское будущее. Ибо способствует сохранению совкового государства под маской "Российская Федерация".

Белые добровольцы 1941-1945 гг. были героями, а их действия – подвигом, поступком истинного патриота. Они приняли труднейшее решение: идя параллельно с внешним врагом сражаться за свободу и счастье своего народа, с твёрдым решением впоследствии избавить его и от нацистов. Они знали, на что шли. Они были нравственными людьми, не искали своей выгоды. Готовы были оказаться не понятыми современниками, но интересы страдающего народа и государства российского ставили выше своей собственной судьбы.

Не красноармейцы, изнасиловавшие в побеждённой Германии два миллиона немецких женщин в возрасте от 8 до 80 лет, а кор-

пусники, власовцы, красновцы являются подлинными героями войны, на подвигах которых должно воспитывать молодое русское поколение. Чтобы сие понять, надо подняться до понимания той конкретной исторической ситуации в которой оказались белые в 1941-1945 годах, и не орудовать сегодняшними предвзятыми, опрокинутыми в прошлое. А некоторые историки в Эрефии делают именно это, нечестно и ненаучно прибегая к двойным стандартам. Для некоторых из них белые, бывшие красных, хороши только до 1920 года. Однако те же белые, бывшие тех же красных, но уже после 41-го года – вдруг становятся исчадиями ада. Они не понимают, – или, скорее, делают вид, что не понимают, – простой, самоочевидный факт: в 1941 году белые лишь продолжили Гражданскую войну, начавшуюся в 17-ом. То есть – остались верными себе и России. По лукавому построению таких горе-историков, после 41-го года нельзя было проливать кровь

солдат защищавших советскую власть, а до 1920-го – можно было.

Война на Восточном Фронте – это сватка двух тиранов, двух тоталитарных режимов. Тиран боролся с тираном, зло сражалось со злом. Поработённый русский народ оказался перед тяжёлым выбором «меньшего зла». Никто не вправе сейчас осуждать тех, кто предпочёл Сталину – временное использование немцев. Не имея иллюзий о природе обоих режимов, они предприняли отчаянную попытку стать третьей силой в этом конфликте, превратить столкновение двух тиранов на территории России во Вторую Гражданскую войну против большевизма. Они не смогли победить, империя зла одних уничтожила, а другим пришлось ре-эмигрировать в ещё более дальние страны. Однако ложь неосоветского агитпропа не сможет уничтожить память о патриотах, боровшихся за свободу России.

Как писал священник Г. Митрофанов о Гитлере и Сталине, это были братья-близнецы, победа любого из них означала «очередное

поражение русского народа». И был прав Г. Попов, когда объявил генерала Власова предтечей новой, свободной России и предложил поставить ему памятник. Если признать коммунистические репрессии и отсутствие свободы в СССР, – раскулачивание, рассказывание и так далее, – и соглашаться, что война на Востоке была столкновением тиранов, то неизбежно признать оправданным сопротивление тирану Сталину и советскому тоталитаризму.

Надо осознать неоднозначность того времени и тогда прояснится невозможность его «чёрно-белого» восприятия. Разумеется, мы не отрицаем преступления нацизма, как и решения трибунала в Нюрнберге. Напротив, мы предлагаем провести второй Нюрнберг, – над коммунизмом.

Нынешняя власть в Эрефии хочет чтобы население закрыло глаза на реальную историю. Чтобы думало, что происходившее под властью КПСС было прекрасно и разумно, а кто с этим не согласен – тот скрытый или явный фальсификатор. Только общество, утратившее нравственные ориентиры, может вникать в доводы апологетов тирана Сталина. Сам факт необходимости спорить по этим вопросам – уже диагноз.

Однако логика адвокатов сталинской "Победы" неопровергнута только если мы согласимся вести дискуссию в рамках их абсолютно антинаучной, но эффективной в пропагандном плане системы координат. Схемам пропагандистов мы противопоставляем принципиально иное видение истории, при котором все их построения разбиваются, как горох об стену, ибо это видение основано на исторической правде.

Путинской исторической лжи мы открыто и последовательно противопоставляем правду о войне. Нам, в отличие от апологетов Сталина, не нужно переписывать историю, фальсифицировать её смысл.

Русские добровольцы-антикоммунисты 1941-1945 годов вели войну за существование (в прямом, физическом смысле слова) России и русского народа. Победа белых во Второй Мировой войне, если удалось бы использовать немцев, – означала бы жизнь для русского народа, возможность его свободного и независимого развития.

Корпусники, власовцы, казаки не добились своей цели. Коммунисты остались управлять страной ещё несколько десятилетий и... в конце её обескровили, подорвали её генофонд настолько, что русский народ вымирает. Соответственно, все построения апологетов сталинской "Победы" рассыпаются, как карточный домик. Предатели те, – коммунисты, – кто уничтожили тысячететнюю державу. Герои те, – белые добровольцы, – кто пытались её спасти в годы Второй Мировой.

Николай Казанцев

ДЕНЬ НЕПРИМИРОСТИ

ОТМЕЧАЕТСЯ В АРГЕНТИНЕ В ЭТОМ ГОДУ В СУББОТУ 12-ГО НОЯБРЯ И БУДЕТ ПОСВЯЩЁН

75-ЛЕТИЮ ОСНОВАНИЯ РУССКОГО КОРПУСА НА БАЛКАНАХ

НА АКТЕ БУДЕТ ПОКАЗАНА СОКРАЩЁННАЯ ВЕРСИЯ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО ФИЛЬМА М. Л. ОРДОВСКОГО-ТАНАЕВСКОГО

"Русский Корпус: Свидетельства"

Устраивает Организация Российских Юных Разведчиков Южной Америки
Улица Буэнос Айрес 2670, Оливос
Начало в 12.00 часов. После акта присутствующим будет предложено угощение.

СЕГОДНЯШНЯЯ БЕЛАЯ ЭМИГРАНТСКАЯ МОЛОДЁЖЬ О РУССКОМ ОСВОБОДИТЕЛЬНОМ ДВИЖЕНИИ 1941-45 ГГ.

РУССКИЕ ПРОТИВ ЛЖЕ-РУССКИХ

Иван Фомин, 17 лет, ученик гимназии Организации Российских Юных Разведчиков в Буэнос Айресе, Аргентине

Русское Освободительное Движение - это небывалое явление, которое сформировалось с начала Второй Мировой войны; некоторые его представители живут в разных уголках мира и по сей день.

Задачей этого движения было освободить русскую землю от советской оккупации и террора. Это движение могло бы иметь успех в первые месяцы войны, так как подсоветские русские люди не хотели защищать власть Сталина. В стан Русской Освободительной Армии генерала Власова перешло из советов порядка миллиона человека. Таких цифр "перебежчиков" не было никогда в истории России, а то и всего человечества.

Идеология Русского Освободительного Движения заключалась в установлении национальной власти в стране. Идеологи РОА хотели также показать и доказать тем людям, которые приняли революцию 1917 года, что они заблуждались, что приход коммунизма обернулся для России неизмеримыми страданиями.

Мне очень понравилась реплика белого генерала Е. К. Миллера, начальника Русского Обще-Воинского Союза, похищённого чекистами в Париже, на большевицкую ложь: «...Весь русский рабочий и деревенский люд большевики соблазнили громкими обманными словами «рабоче-крестьянская власть», во славу которой зверски убили Царя-Мученика и всю Его Семью; «Вся земля — крестьянам» и т. д., играя на самых низменных инстинктах человеческой природы; мало того, они делают всё, чтобы вынуть душу из русского народа и, разорив его материально дотла, до голодной смерти и людоедства, довели его в моральном отношении до полного одичания, когда человеку стал волком».

Задачи Русского Освободительного Движения были непростыми,

Видеозапись Н. Казанцева

**РУССКИЙ КОРПУС -
ГЛАЗАМИ СЫНА
КОРПУСНИКА**

на YouTube

https://www.youtube.com/watch?v=0_nmf3JysMc

НА ЗАЩИТУ СВОЕГО НАРОДА

Макарий Ивашевич, 17 лет, ученик гимназии Организации Российской Юных Разведчиков в Буэнос Айресе, Аргентине

даже несмотря на такой внушительный приток добровольцев во власовскую армию. С её боевым духом и верой в успех, казалось, этой армии всё по плечу. Но не тут то было. Русские генералы-антикоммунисты стремились использовать немцев для очистки русской земли от коммунизма, но руководство нацистской партии этому воспрепятствовало.

Нацисты признали о настоящих планах генерала Андрея Андреевича Власова, о том как он хотел освободить русскую землю, от красных и затем освободиться также от немцев. А Гитлеру не нужна была ни коммунистическая, ни национальная и свободная Россия, потому что он считал русских, и всех славян, «удобрением» для немецкой рассы, а русскую землю - будущим "жизненным пространством" для размножения немецкого народа.

Таким образом Русская Освободительная Армия не смогла себя полностью реализовать ведя боевые действия против Красной Армии. Нацисты её не допустили на Восточный Фронт.

После окончания войны власовцы понадеялись на союзнические войска, на то, что они поймут, кто их реальный враг – коммунизм. Однако они так и не дождались помощи от союзников, а наоборот – были ими массово выданы в Советский Союз на расправу.

Лично я полностью поддерживаю идеологию противостояния и борьбы с коммунизмом и его последствиями. Потому, что это правильно и так должно быть.

Любому организму необходим иммунитет, чтобы защититься от чужеродных вирусов. Так вот, коммунизм – это самый настоящий вирус, болезнь, которая объяла Россию на многие десятки лет и создала поколение тех, кто уже никогда не смогут рассудить всё самостоятельно, с объективной точки зрения, а только ссылаются всегда на учебники и школу.

Когда твою Родину захватывает куча купленных негодяев, которые даже по национальности во многих случаях были нерусскими, когда эта куча играет на самых низких чувствах и инстинктах населения, убеждает людей, ни в чём не нуждавшихся, делать революцию, то это равносильно нашествию тьмы и зла. И если ты действительно патриот, любящий Россию настоящую и действительно свободную, то это просто твоя обязанность и долг встать, и биться насмерть против врага.

И не важно, что в стане врага есть человек одной национальности с тобой, потому, что если он слепо поверил клевете на свою же Родину, Царя и Веру, если он поддерживает губителей страны, то это значит, что он больше не твой брат, не твой земляк и сородич.

Коммунистическая пропаганда добилась массового отупения и дегенерации. Так что бороться с оружием в руках против лже-русских, вести против них боевые действия, даже во временном союзе с иностранцами, было к сожалению долгом настоящих русских – долгом перед Родиной, перед павшим Царем и перед Верой.

Иван Фомин

подсоветским населением имела бы большой пропагандный успех. И они поддерживали начинание генерала А. А. Власова. В частности, сочувствовали Русской Освободительной Армии те немецкие генералы и полковники, которые 20 июня 1944 года совершили неудачное покушение на жизнь самого фюрера – Адольфа Гитлера – и заплатили за это своими жизнями.

Нацистский фюрер, который не хотел никакой России, – ни красной, ни белой, – возможно додумывался, что белые хотят использовать немцев, и категорически отказывался отправлять их на Восточный Фронт. К сожалению, это привело к тому, что Русской Освободительной Армии генерала А. А. Власова не удалось претворить в жизнь задуманные планы освобождения России от коммунизма: хотя она для этого имела огромный потенциал.

С моей точки зрения, я поддерживаю участников Русского Освободительного Движения 1941–1945 годов.

Жаль только, что История не дала им шансов воплотить свои замыслы. Это была величайшая возможность свергнуть коммунизм и спасти Россию. Почему я так думаю? Потому что коммунизм представлял из себя утопическое учение с террористической идеологией, в основе которой лежит сведение человека к безличной биомассе. Превращение человека в послушную скотину, у которой нет права на индивидуальное восприятие мира, на собственное мнение, на свободу выбора своего пути. А в случае неподчинения этой системе, человеку было уготована смертная часть.

Причём мало что изменилось в современном коммунизме.

Когда твою родину захватывают такие люди как коммунисты, ненавидящие русский народ, всё русское и саму Россию, люди которые держатся на лжи и терроре и убивают ни в чём не повинного Царя, то долг каждого русского человека – встать на защиту своего народа, родины и веры от дьявольской напасти. Потому что идеология марксизма-ленинизма именно дьявольская, в ней нет ничего человеческого, что могло бы способствовать реальному развитию страны и народной культуры.

Макарий Ивашевич

ГОВОРЯТ НЫНЕ ЗДРАВСТВУЮЩИЕ КОРПУСНИКИ

Лейтенант Олег Николаевич Плескачёв, 95 лет, проживает в Каракасе, Венесуэла

Мне жалко, что мы не добились нашей цели, хотя от нас это не зависело. Немцы не допустили нас на Восточный Фронт. В 1991 году коммунистическая партия свалилась сама по себе, но осталась гадость, которая дальше управляет Россией, и дальше наказывает наш народ. Сейчас в России, в общем - то же самое. Русский народ не заслуживает, чтобы его так исключительно тяжело и долго наказывали.

Мы тогда хотели не только отомстить за русский народ, за массовые расстрелы, за концлагеря, за раскулачивание, рассказывание, за все преступления советской власти. Мы стремились восстановить русскую жизнь, какой она была в старину. Когда белые ветераны, эти люди прошедшие через медные трубы и чёртовы зубы, призвали нас, молодое поколение, вступить в Русский Корпус, то этот клич остро отозвался в наших сердцах.

И мы пошли с верой. И если сегодня на дворе был бы снова 41-й год, я бы снова поступил в Русский Корпус - с удовольствием! У нас была крепкая дружба, один стоял за другого. Мы были семьей.

Унтер-офицер Анатолий Петрович Калашников, 93 года, проживает в Аргентине

Может быть теперешние жители России никогда не поймут нашу борьбу. Не поймут, что мы дрались именно за них, за русских людей и их потомков. Проживавших на родине русских людей слишком долго воспитывали в иных, нерусских понятиях. Я поступил в Русский Корпус на Балканах как естественный продолжатель патриотического порыва моего отца, сражавшегося в Белой Армии в Гражданскую войну.

У меня не только чувство удовлетворения, что я так поступил; я благодарю Бога за данную мне возможность лично участвовать в этой войне! Я исполнил долг по отношению к моим родителям, горжусь моим поведением тогда, и дальше придерживаюсь тех же идеалов.

Поднять оружие против коммунистической власти в годы Второй Мировой войны было долгом каждого сознательного русского человека.

Меня до сих пор глубоко волнуют воспоминания о боевых буднях Русского Корпуса и я не могу без слёз восхищения говорить о моём доблестном командире, 9-ой учебной роты 2-го полка, лейтенанте Леониде Борисовиче Казанцеве.

Рядовой Александра Анатольевич Янушевский, 90 лет, живёт в Аргентине

Я поступил в Русский Корпус, вместе с моим отцом, когда мне было 15 лет. Не жалею об этом и не раскаиваюсь. Наоборот. Если сегодня повторились бы те же обстоятельства, то сделал бы точно то же самое. Разумеется, в мои годы, взяться снова за винтовку было бы не так легко...

Это была последняя попытка освободить нашу Россию от советской власти. Нас упрекают, что мы пошли с немецкой армией, но иной другой возможности просто-напросто не существовало.

Освободив Россию от коммунистов, настал бы черёд отдельаться и от немцев.

Новоприезжим в Аргентину русским это, конечно, трудно понять. Я им обычно даю прочитать книгу о русских кадетских корпусах за рубежом, чтобы они осознали как нас воспитывали, чем мы дышали. А затем даю книгу о Русском Корпусе, в сущности - книгу о тех же кадетах русских зарубежных кадетских корпусов, но уже взявшись за оружие, чтобы спасти Россию.

БОЙ НА БЕРЕГУ РЕКИ ИБАР

ОТРЫВОК ИЗ ОЖИДАЮЩЕЙ СВОЕГО ИЗДАТЕЛЯ КНИГИ ВОСПОМИНАНИЙ ЛЕЙТЕНАНТА О. Н. ПЛЕСКАЧЁВА

Мой взвод, под командованием лейтенанта Дубровы, выступает во главе нашей роты, сразу за 7-й. Спустя пару километров дорога идёт круто по склону горы, справа гора, как стена, над нами, а слева крутой обрыв, высотой где метров пятьдесят, а где и сто. Внизу, по берегу Ибара, тянется железная дорога.

Ибар зажат между холмами, пенится, бурно течёт, омывая колоссальные валуны. Километра через три меняется местность, дорога остаётся высоко на горе, на другой стороне кончаются крутые холмы и открывается широкое поле, а вдали извивается, как лента, блестая в лучах заходящего солнца, Ибар. Железная дорога тянется пока внизу под нами.

Вид на поле открылся широко, и стало нам заметно сверху, как по полю группками и в одиночку бежали по направлению к нам маленькие человеческие фигуры, сопровождаемые слабым звуком выстрелов. За первой волной фигурок бежала вторая и стреляла по первой. Некоторые фигурки падали и больше не поднимались.

То были разбитые части дивизии «Принц Евгений», преследуемые партизанами. И всё происходило перед нашими глазами, как на экране, и шли мы вперёд, не отрывая взгляда от происходившего там, внизу.

Тотчас на выступавших над обрывом площадках были установлены два станковых пулемёта и хлестко заговорили, поливая своим огнём партизанскую цепь. Мы видели, что огонь наш был метким, ибо цепи их приостановились кое-где, и заметны были их потери.

Бежавшие немцы карабкались к нам по крутым склонам и, выскочив на дорогу, бросались к нам, и многие, плача, кричали: «Kameraden, kameraden!» – и втирались в наши ряды, как бы ища защиты. Двое из них затесались в моё отделение, безоружные, расхлюстанные, без поясов, рыдающие, как дети, кричавшие: «Partisanen, partisanen!» – и озирались с испугом в поисках титовцев. Вижу смущённые лица моих солдат и, боясь растерянности и упадка духа, подскакиваю к обоим немцам, бью кулаком по щекам с криком: «Achtung! Halt! Russe!»

Мои ефрейтора, поняв, в чём дело, угощают пинками и хлестко бьют по шеям несчастных немцев, крича по-русски: «Молчи, б...! Трус, твою мать!» Услыхав чужую речь и чуя опасность быть избитыми, немцы онемели и пришли в себя, сообразив, что лучше молчать. Унтера других отделений применили ту же систему к затесавшимся к ним немцам, и порядок был восстановлен. Солдаты заулыбались и, чувствуя себя выше наших непрошенных гостей, хлопали

их по плечу и совали им папиросы.

Добрый человек наш брат-руssак, в особенности солдат по отношению к солдату, понимает чужое горе.

Вскоре немцы очухались и, утирая кровь с разбитых носов, брали папиросы и говорили: «Danke».

Но действие наших пулемётов продолжалось, и в ответ партизаны перевели стрельбу на нас. Непрошеные пули засвистали над головами, взрывая землю и камни, впиваясь в гору. Все сразу подтянулись. «Надеть шлемы!» – и стала покрыла наши головы. Вдруг дорога дала крутой поворот вправо, почти в 90 градусов, и, зайдя за него, мы попали под сильный обстрел проскочивших вперёд партизан. Обстрел не особенно нас задел, но я видел, как задние ряды 7-й роты, впереди нас идущей, смешались и в панике и беспорядке кинулись к нам.

«Пулемётчики, – кричит лейтенант Дуброва, – занять позиции, огонь по противнику!» Внизу под нами – бункера, с которых также бьют по противнику. Это, оказывается, была стоянка Дрен с бункерами и железнодорожным мостом через реку. И пока мы тушили огневые точки проскочившего противника, кто-то из 7-й роты крикнул: «Сюда, за мной!» – и скатился вниз по тропинке к стоящим там бункерам. А за ним без удержу помчались многие, спускаясь стремглав по

тропинке. Голоса командиров, кричавшие: «Стой, стой! Назад!» – затихли, и перед моим взором мелькнули вытянутые лица солдат.

Спускаются знакомые унтера, вот прошёл Бертье де ла Гард, братья Думбадзе, А. В. Воскресенский помогает пулемётчику начать спуск и сам исчезает за обрывом; идёт, быстро спускаясь, М. Сакварелидзе и многие другие. Огонь усиливается, но, слава Богу, неточный, наши станковые пулемёты берут в оборот партизан, и огонь противника замирает. Вперёд! Вперёд! Наши пулемётчики срываются с места и на бегу занимают места в рядах. Идём усиленным маршем, гости-немцы не отстают. Вдалеке, как на ладони, видна станция Лешак, дорога идёт вниз к долине. В последних лучах заходящего солнца видно, как цепи партизан идут через поле к Ибару.

Обгоняя разрозненные ряды остатка 7-й роты, и полковник Гордеев-Зарецкий кричит одному из унтер-офицеров: «Идите за нашей ротой или примкните к пятой». Что было дальше с ними, не знаю. Мы прикладываем все усилия к тому, чтобы первыми войти в Лешак, так как опасаемся, что партизаны тоже займут его с налёта, а станция вот тут, рукой подать. Скорей! Скорей!

Вечерняя заря красит кровавым светом окрестности. «Рота! Бегом марш!» Лейтенант Дуброва бросает

мне на бегу: «Смотрите, чтобы отставших не было!» Того пришлось помощникам пулемётчиков, на-груженным обоймами. Тяжело дышим. Вот в 300 метрах станция, сумерки быстро сгущаются, всё серо вокруг. «В цепь! В цепь!» – несётся по рядам команда. Слышен сочный голос командира роты: «Первый взвод, направление на станцию, второй взвод левее, третий правее, четвёртый остаётся при мне! Вперёд, вперёд!»

На полном ходу влетаем на станцию, занимаем позиции по высокому берегу реки и устанавливаем пулемёты. С другой стороны нас приветствуют редким ленивым огнём и замолкают, получив наш резкий ответ. Быстро наступает летняя ночь, мрак покрывает всё.

«Ну, слава Богу, поспели вовремя», – говорит лейтенант Дуброва.

Подходит полковник Гордеев-Зарецкий, ругается. «Ах, так их растак! – это он насчёт партизан проходится, – ну что ж, господа командиры, укрепляйте позиции, как можете, пока не поздно, пока что-то ещё видно». Шанцевый инструмент в обозе остался, окопов не делаем. Наш взвод занимает позицию по крутому берегу и, по возможности бесшумно, устраивается.

Приятно полежать на ёщё тёплой земле и отдохнуть от напряжённого дня. За нами станция, полотно железной дороги, низкие здания. Диск луны ползёт вверх по небу, отражаясь серебром в Ибаре, блестят рельсы. Со стороны Дрена идёт усиленная стрельба. Невдалеке стоит группа наших офицеров, это ротный со своими взводными совещается. Солдаты матюкаются, курить хочется, а нельзя, было бы так приятно затянуться.

Отгоняю мысленно соблазн и в этот момент слышу голос связного, подползшего к нам: «Унтер-офицер Плескачёв, к ротному». Спешу к тёмной группке в стороне, где стоит наш ротный с лейтенантами, ёщё низкая луна освещает их лица.

Лейтенант Дуброва обращается ко мне: «Унтер-офицер Плескачёв, в 200 метрах отсюда по железной дороге есть мост через овраг, займёте позицию за мостом и будете прикрывать наш левый фланг. Задача понятна?!» Отвечаю: «Так точно! Понятна! Разрешите идти?»

Собираю отделение, проверяю наш запас патронов и ручных гранат и, не особенно довольный имеющимся инвентарём для этой задачи, двигаюсь по рельсам в направлении на Дрен. Из темноты вынырнул лейтенант Дуброва:

«Пойдём вместе, Олег, хочу знать, где будешь стоять со своими». Он всегда в официальной обстановке был на «вы», но вне этого запросто, по-дружески обращался на «ты». Это вызывало доверие к нему.

Идём по шпалам, солдаты, спотыкаясь, тихо и едко ругаются, луна светит пока недостаточно ярко.

Отрываемся от последних солдат, залёгших на своих местах на берегу. Прошли берег, заросший камышом, вот и мост. Длинной метров двадцать, глубокий овраг под ним, ручеёк на дне блестит в лунном свете. Идём по толстым доскам, брошенным на шпалы и прикованным к ним, поручней нет.

За мостом высокий берег исчезает, открывается большая левада, круто спускающаяся к Ибару, а железная дорога гребнем возвышается на этом участке. До реки метров триста.

Двигаемся дальше. «Стой! Ждите здесь!» Иду назад к мосту, гляжу с моста вниз, присматриваюсь. Овраг из-под моста идёт вплоть

до берега реки, как горловина, как воронка, широкая часть к реке, а к мосту узкая. «Здесь будем стоять, – говорю я Дуброве, – этот овражек опасен, могут по нему в тыл зайти всей нашей позиции». Лейтенант оглядывается, примеривается, изучая местность, и соглашается.

Привожу отделение, распределяю его по позиции, Дуброва замечает: «Жидковато получается». Снова обходит позицию. «Олег, пошлю ещё один пулемёт да боеприпасы, чтобы мощнее было».

Благодарю его за помощь, есть за что благодарить, ведь жизнь на карту поставлена. Взводный уходит, захватив бойца с собой в качестве проводника для других на обратную дорогу. Ребята лежат на траве, пулемётчик применяется к местности, ищет выгодный сектор обстрела, а я хожу по позиции, изучая её. Луна светит уже ярче и позволяет мне заметить штабель шпал, стоящих в стороне. В голове у меня зарождается идея. «А ну-ка, ребята, заслон делать!» Бойцы, кряхтя и крякая, несут шпалы на позицию и кладут одну на другую. Получается чудный бруствер, я рад, ребята тоже, ведь это очень важно в нашей несложной жизни.

Подоскам моста стучат шаги, виден мой боец, ведущий других. Подходят пулемётчик с помощником и трое солдат, все кряхтят под грузом боеприпасов. Лейтенант Дуброва не поспешился на помощь, послал много ручных гранат и пулемётных обойм. Я мысленно благодарю его. Устраиваемся на позиции. Двое моих следят за оврагом. Тишина вокруг, луна плывёт по небу, то скрываясь за редким облаком, то вновь проступая. Со стороны Дрена стрельба усиливается, и иногда небо прорезает трассирующая пуля.

«Дают там жару», – смотрят ребята в направлении Дрена. Слышно, как к станции подошёл поезд. Локомотив, тяжело дыша, так обдаёт паром, что видно издалека. Слышны голоса, затем всё снова затихает.

Насторожённость потихоньку ослабевает, исчезает напряжение. Время проходит незаметно, курим, прячась, в кулак. Луна поднимается над нами, купая всё в своём свете. Хорошо видно.

Вдруг со стороны реки понеслись в направлении роты многочисленные автоматные очереди, смешанные с тяжёлой стрельбой пулемётов. Это было так неожиданно, что многие из нас вздрогнули и прижались к земле. Наша сторона замерла, но только на мгновение, и залп за залпом пошёл по всей линии роты.

Это был сплошной шквал огня всех калибров, который обрушился на противоположный берег, а у меня на позиции – ни звука, ни выстрела. Рёв ураганного огня роты заглушал всё, трассирующие пули, как звёздочки, с отчаянной скоростью достигали противоположного берега, и тяжёлый звук автоматной стрельбы властвовал над этим адским оркестром.

Никогда не предполагал, не думал, что огонь нашей роты настолько сильный, настолько подавляющий. Эта буря продолжалась минуты три, не больше, а если и больше, так нужно сказать, что время летело, и часы жизни казались минутами. Нам, сбоку наблюдающим, казалось, что мы видим удаляющиеся тени на другом берегу. Может, нам только казалось, но я и мои бойцы готовы были утверждать, что видели их. Огонь утих так же, как и начался, сразу, и только отдельные редкие выстрелы продолжались,

но вот и они замолкли. Мёртвая тишина, ни звука. Вот сквозь ночь послышались со стороны роты голоса, отрывки криков, и всё снова замолчало. Но впечатление сильное, нервы натянуты, тишина и неопределённость действуют гнетуще. Всматриваемся в ночь, ища какие бы то ни было следы противника. Луна светит, равнодушно глядя на нас, ратующих человеков.

Прошёл час, может, больше, не знаю, и вдруг двое ребят, указывая рукой на наш берег, возбуждённо зашептали: «Идут, идут!» Прямо на нас бежали многочисленные фигуры, молча, пригнувшись. Откуда они появились, как прошли незамеченными, не знаю. Неужели проспали?! «Готовься, ребята! – негромко говорю я. – Не стрелять! Дай им подойти ближе! Пулемётчики, готовься. По моему выстрелу, огонь». Крепко зажимаю винтовку в руках, ждём.

Фигурки неуклонно идут на нас. Цель у меня на выбор, выбираю, навожу ствол. Огонь из ствола короткой итальянской винтовки слепит меня. Частая стрельба нашей цепочки, видно, оказалась неожиданностью, противник замялся, заметно смущение в их движениях. Залегли. Слышны крики: «Напред, напред!», и пошло классическое наступление на нас, с перебежками. Посвистывают пули, перебегающие фигуры ныряют на землю под нашим огнём. Вот они всё ближе, ясно видны при лунном свете.

Много их. Пули противника чмокают, впиваются в дерево шпал. Мои пулемётчики по азартности выпускают обойму в 20 штук патронов в две очереди. Патроны тратятся в длинных очередях очень быстро, и они меняют обоймы одну за другой. Заставляю чуть ли не силком делать лучше прицел с короткими очередями. Противник уже близко, в нас бросают гранаты, недолёт. Отвечаем тем же, рвём шнуры и кидаем. Немецкие гранаты с тяжёлой нарезной оболочкой, взрываются, заставляют их прижаться к земле. Одна их группа забегает слева и вот-вот перейдёт железнодорожную дорогу в обход нашего левого фланга. Пригнувшись, бегу к ближайшему пулемётчику и, указывая рукой, кричу: «Огонь по ним! Огонь!» Несколько фигурок падает, остальные движутся дальше.

Обстреливаю с парой солдат эту группку из винтовки, пулемёт их прижимает к земле. В этот момент солдаты, находившиеся вблизи оврага, были заброшены ручными гранатами. «По оврагу идут!» – кричат мне. Противник просочился. «За железную дорогу всем!» Ребята по двое, по трое перебегают железнодорожную насыпь. Кричу: «Бросай гранаты в овраг!» – а сам, захватив пулемётчика, бегу к горловине оврага. Гранаты наши делают своё дело, фигуры врага мечутся по горловине, к нам, мы их встречаем огнём в упор, и они, повернувшись, бросаются назад.

Но наше положение трудное, наш левый фланг обойдён, и нас постепенно прижимают к оврагу. Пули противника бьют по щебню, и осколки камня впиваются в руки и лица. Забрасываем противника ручными гранатами, стреляем из винтовок, раскалённые пулемёты плюют свинцом. И в этот момент со стороны моста хлестко заговорил пулемёт и зазвучал частый винтовочный огонь. Противник остановился и, отстреливаясь, начал отступать, а затем, не выдержав, побежал.

Выскакиваем на шпалы железной дороги и стреляем по бегущим. Гора с плеч! Чудом уцелели! Ребята возбуждённо и радостно хлопают друг друга по плечу и обнимаются, а я, обуреваемый пережитым, счастлив, но стараюсь вида не показать и деловито шагаю навстречу группе, идущей по доскам моста.

Узнаю при лунном свете Тольку Рибаса. Сходимся. «Как, Олег? Жарко было?» Я жму ему крепко руку: «Спасибо, Толя, спас ты нас, старина!» Очередь из пулемёта противника заставляет нас показать, как ловко мы умеем нырять к земле. «По местам, по местам, наблюдать хорошо!»

Толя похлопывает меня по плечу: «Друг мой, благодаря Дуброву, это он, услыхав частые взрывы гранат, послал меня спешно на подмогу».

Наши группы смешиваются, бойцы возбуждённо переговариваются, делятся впечатлениями. У меня несколько раненых, отправляю их на перевязочный пункт. Солдаты протестуют, говоря, что это только царапины, но, боясь осложнений в их ранениях, отсылаю их под наблюдением ефрейтора. Толя, увидев парапет из шпал, смеётся, качая головой: «Ну и догадались, людей сохранили!» Толька – хороший друг, крепкая дружба у нас с ним ещё со времён первой юнкерской роты. «Толя, – говорю, – ну и жахнули вы по партизанам, как там у вас было?»

Рибас ехидно смеётся: «Огонь вели мы хороший, да не будь бронепоезда, досталось бы нам. Атаковали так неожиданно, что застали врасплох, устроили бы нам горячую баню».

По мосту слышны шаги, подаю голос: «Кто идёт?» В ответ негромко: «Свои». Подходит лейтенант Дуброва с моим ефрейтором и парой бойцов, гружёные патронами и гранатами. «Ну, Олег, выдержали! Молодцы!»

Благодарю его от души за помощь и заботу. «Всё в порядке, Олег, знаешь, сам погибай, а товарища спасай, старый солдатский завет».

Стоим, слушаем. Со стороны Дрена тишина, странная тишина, прерываемая изредка винтовочным выстрелом. Как у них там?

Пробыв с нами с полчаса, лейтенант Дуброва распоряжается, чтобы Толя Рибас со своим отделением встал с другой стороны моста, держа его вместе под наблюдением до утра. Попрощавшись, уходит, и отделение Толи тянется за ним. «Пока, Олег, соседями будем».

Только они успели уйти, как в стороне Дрена вдруг неожиданно разгорелся ночной бой, с такой силой, что нельзя было разобрать, где винтовочные выстрелы, а где пулемётные. Всё слилось в один сплошной гул, и вспышки взрывов слабо отражались на склонах холмов. Ребята тихо ругались, понимая по собственному опыту, что там творится.

Под утро при побледневшем свете луны на берегу Ибара зашевелились человеческие фигуры и пошли прямо на нас во весь рост. Это нас очень удивило. И пока они перебрали реку вброд, я сообразил, что это, наверное, отставшая группа партизан, которая двигалась, ничего не подозревая. Мы их взяли в оборот, не дав даже выйти из реки. Те из них, которые ёщё не вошли в воду, заметались по берегу, и как появились, так же и исчезли, а тем, что были в воде, пришлось тут.

Одни бросались вплавь, другие, пригнувшись, выскакивали на берег и исчезали в ночи. За несколько минут всё было кончено, и лишь несколько тел осталось на берегу.

Унтер-офицер П. П. Тихонов

ВСПОМИНАЯ ЛЕЙТЕНАНТА

Штрихи боевой страды Русского Корпуса на Балканах

**Леонид Борисович Казанцев,
1942 год**

Если боевую страду Русского Корпуса воплотить в одном человеке, более того, если доблесть всего белого офицерства нужно было бы иллюстрировать одним примером, то выбор для меня ясен: таким выразителем русской воинской чести был и навсегда останется лейтенант Леонид Борисович Казанцев.

Сперва он командовал взводом, но в боевой обстановке он фактически командовал 9-й ротой 2-го полка и приданными ей другими частями 1-го батальона, когда вышестоящие офицеры по той или иной причине выбывали из строя. После боев у Авалы, особенно жестоких, от всего 2-го полка осталось человек 200: ими командовал и вывел их из окружения, спасая таким образом от верной смерти, именно он - лейтенант Леонид Борисович Казанцев.

Корпсник Володя Альбрехт всегда говорил, что он живет "de уара" (в подарок - по аргентинскому выражению), благодаря лейтенанту Казанцеву. Мы Володю, раненного, вынесли из-под Авалы. Мы его несли, а Казанцев отстреливался. Вынесли и команьера роты полковника Нестеренко (впоследствии трагически погибшего в руднике в Аргентине вместе со всей своей семьей). Вынесли генерала Иванова, раненного в ногу, команьера первого батальона 2-го полка. Неся его на плечах - а он грузным был - пока не поймали для него единственную лошадь.

Довелось выносить Казанцеву с поля боя из-под огня и раненного в лёгкое инструктора, унтер-офицера Игоря Козлова. Случилось это во время ночного нападения партизан. Мы отходили. Отходили с Велико Градиште, где стояла наша учебная рота. Это было начало тяжелого похода, в октябре 1944-го. До этого наши казармы были в здании суда округа, в центре города, на берегу Дуная. С одной стороны титовские партизаны, а через Дунай - советские войска. Они пели по вечерам "Катюшу", а мы - "Вещего Олега" с рефреном: "Так за Царя, за Родину, за Веру мы грянем громкое ура!" Слышно было через Дунай, он там не такой широкий. А затем они из "катюш" по нам палили. У нас же не было такого оружия - всего пулеметы, чешские Зброевки. Что же немцы нам давали?.. Ничего. Это историческая правда.

Но сперва расскажу, как мы познакомились с лейтенантом Казанцевым. Мы уже с Толей

Калашниковым были в учебной роте инструкторами. С нами - Франц Анфилов, Игорь Козлов, один из лучших во всех отношениях, боевой верный друг. Ротой командовал вначале поручик Фишер, замечательный инструктор, офицер, раньше служивший в Югославянской армии, спортсмен, мог нокаутировать левой рукой. А теперь назначили к нам инструктором лейтенанта Леонида Казанцева.

Игорь Козлов вместе с ним в кадетском корпусе учился, так вот мы его и спросили, что из себя представляет молодой лейтенант. Оказывается, он в кадетском корпусе драчуном был, но не потому что забияка, а из-за своего маленького роста (только к поступлению в Военную Академию вытянулся). Его задирали и он отбивался. Всегда был готов сдаться. Даже случилось как-то, что кто-то тронул его за спину, а он обернулся и с размаху, не рассмотрев, бац по физиономии! А оказалось, что это его приятель был, просто позвать хотел...

Так вот, появился он у нас в роте часов в пять утра. И почему-то так вышло, что его никто не встретил. Не по уставу. Еще подъема не было, мы все спали. Это было в самом начале 1944-го. Лейтенант Казанцев долго распекал фельдфебеля роты, что его никто не встретил. А мы-то все вместе кончили инструкторские курсы, была у нас спайка - и решили мы за это бойкотировать молодого лейтенанта. Было ему тогда 25 лет. Надо здесь сказать, что нормальная рота в Русском Корпусе насчитывала человек 160, в те времена как в учебной роте их было 250 - 4 взвода.

И действительно, мы его бойкотировали первое время. Всё исполняли, а никаких дружеских отношений не было. Мы ведь тоже были тогда молодыми. Но так было только до первого боя. Там он показал себя.

Титовские партизаны напали на наш обоз, которым командовал кирнет Гатенбергер. Это было между Велико Градиште и Голубац. И выслали туда на помощь нас. Это было наше боевое крещение. Бой на равнине - всюду кукуруза - был непродолжительным. Обоз мы отбили. Здесь лейтенант Казанцев командовал именно под пулями, и командовал именно он, потому что бывший с нами старший офицер растерялся.

Партизанская война такова: ты не знаешь, откуда стреляют. Стреляют со всех сторон - и в спину, и в лицо, и в бок. Одни из наших залегли. И вот он встал перед ними, и приказал идти вперед "на ура". И первым ринулся. Так мы за ним и пошли. Как сейчас помню эту картину. Как сейчас вижу его, ведущего нас в атаку "на ура". Вот и полюбили мы его до последнего дня жизни. Подле него шел я, рядом Игорь Козлов. Бона Загурский (тоже инструктор, прибывший из Болгарии). И из рядовых тоже никто не дрогнул.

Шли с винтовками наперевес. У лейтенанта револьвер в руке (никто ему его не выдавал, это он свой личный имел; пистолеты, по-моему, получали только командиры роты).

Первый бой. Мы же никогда под пулями не были. Ведь учебная рота - это не регулярная часть. Собственно говоря, это дети, по 17-ти лет. Были среди нас и

подсоветские бывшие офицеры - они служили рядовыми солдатами.

"На ура"! Партизаны поняли, что имеют дело с частью Русского Корпуса, - идили ходу. Вообще, когда могли, они избегали ввязываться с нами в бой, предпочитая иметь дело с немцами. Побаивались...

После этого, дружба - и какая!

И бои. Один за другим. Десятки и десятки боев. И лейтенант Казанцев всегда впереди. Как говорится, он не кланялся пулям, что, впрочем, не всегда было правильно. Мы же им дорожили: погибнет, а тогда что? В особенности вначале он бравировал, сказывалась старая кадетская традиция. Всегда показывал пример, первым шёл во весь рост, не сзади командовал. Бравировал, а не надо было. Не берёгся. Тогда мы на него нажали и попросили: "Вы нам дороже живым, чем хоронить Вас героями". Мы же душа в душу были с ним после того первого боя. Всегда....

Причем я почти никогда не слышал, чтобы он командовал что-нибудь словами. Только взглядом. В это и суть подлинного начальника. Ты чувствуешь, что он хочет. Какие там крики! Достаточно было ему взглянуть, и уже каждый знал, что было ему нужно. И наши ответы были такие же: молчаливые, - отвечали делом, а не словом.

Ведь в бою всё решается в какую-то долю секунды. Нет времени для разглагольствования. А тем более когда партизанщина. Надо избегать всякого лишнего звука.

**Павел Павлович Тихонов,
начало 50-х годов**

Помню, один раз мы были брошены на произвол судьбы в Велико Градиште. Полевые караулы. Кругом кукуруза, слева кладбище, за каждым надгробным памятником партизан сидит. А мы с лейтенантом Казанцевым из одного домика отстреливаемся. Было мое отделение и еще кое-кто, человек десять. Окружили нас совсем и остались мы без патронов. А казармы наши в километрах четырех-пяти... и никакой связи.

Однако один наш солдат (доброволец, храбрый был мальчик, уже после капитуляции от взрыва брошенных боеприпасов глухонемым остался), Миша Навзоров, галичанин, часа в 4 утра пробился-таки к казармам, и на себе принес две сумки патронов. Казанцев его потом к Железному Кресту представил. И отбились.

Всю ночь шла перестрелка, а наутро партизаны сбежали, много их трупов мы обнаружили в окрестностях нашего домика. (Вообще, "отважные" красные партизаны никогда не нападали

днём, только ночью). В это время Игорь Козлов стоял на мельнице, километра три от нас - и тоже никакой связи.

В другой раз, смешно сказать, мы, всего человек 20, были выставлены защищать город. Правда, Велико Градиште насчитывал только каких-нибудь 20 тысяч жителей, но всё же...

Наш же лейтенант Казанцев, когда нас атаковали, был в казармах и, узнав о передряге, в одиночку пробился к нам через кишащий партизанами город. Да и потом всю ночь под сильнейшим обстрелом ходил тоже в одиночку от одной позиции на другую - бодрить. Третья позиция была где-то на Дунае, там Бона Загурский стоял.

Всегда затычкою мы были, где самое опасное место - туда в звод лейтенанта Казанцева.

А был он чрезвычайно скромным. Даже мне не сказал, что получил Железный Крест второй степени, я это узнал лишь после его смерти. А должен был получить первой степени...

Я бросаюсь с темы на тему, потому что у меня будто отрывки киноленты в голове.

Был один эпизод, о котором весь полк говорил. Лейтенант Казанцев ведёт учебную роту, укомплектованную сплошь из бывших подсоветских, на занятия. И вот он даёт приказ петь. (Мы всегда пели наши старинные марши, "Бородино", "Взвейтесь соколы орлами", пели и подсоветские песни. Хорошо пели). Так он дал приказ - и не поют, молчат. Он второй раз приказал: отказываются петь. Остановил роту, командует: "Ложись!" Не ложатся. Тогда Казанцев вынимает из кобуры револьвер. Как вынул револьвер, сразу все легли. Напряженный момент был. Раз вынул револьвер - надо стрелять. И мы все, инструктора, подготовили своё оружие. Если он начнет стрелять, то и мы будем. А что же делать? Инсубординация...

Но они легли, а когда наш лейтенант приказал встать, запели.

Револьвер этот вообще был всегда у Казанцева наготове, и спал он, держа его у изголовья. Партизанская война - это же не позиционная. Враг со всех сторон. Стреляют из-за каждого дерева, сколько раз из сена стреляли.

А один раз стреляли из засады - и попали - в лейтенанта Казанцева, но Господь Бог его спас. Это мы в разведку пошли в Боснию. Шли колонной, человек 20, один за другим. Я, как всегда, рядом с ним шёл. Это было на окраине деревни Брко. Кругом всё уже было занято врагом, партизаны вплотную подошли - декабрь 1944-го. Помню, снег валил. И вот из-за угла дома, с дистанции не более 5-ти метров партизан в Казанцева выстрелил. Но пуля - чудо Божие - попала в кассету автомата, который он нёс. И кассета пулю остановила. Иначе бы была смертельная рана - в живот, без госпиталя поблизости. Я бросился к этому партизану, схватил его за волосы и потащил, чтоб расстрелять тут же. Как сейчас помню мой крик:

- Ты нашего любимого лейтенанта чуть не убил!
Я вышел из себя, готов был его задушить, но Казанцев вырвал партизана из моих рук. Я по сей день ему благодарен,

что не допустил расправы.

Впрочем, лейтенанта Казанцева любили все, не только инструкторы. Его обожали и рядовые солдаты. Даже те, которые тогда отказались ложиться. Ведь этот эпизод имел место во время занятий, когда еще никаких пуль не было. После пуль всё изменилось! Они все его за глаза называли "наш Лёня", "наш Лёничка". И также называли забавно так: "Лейтенант-руки-в-карманы". Дело в том, что в самый мороз он часто ходил без шинели, но, засунув руки в карманы и слегка ссутулившись.

И еще в другой раз спас Господь Бог нашего Лёню, когда после особенно жаркой перестрелки под Авалой он засунул руку в карман, чтоб закурить - у него там две пачки папирос было - а обнаружил лишь одну труху. Пули разворотили внутренность кармана, пройдя в двух-трех сантиметра от живота.

Там, под Авалой, нам пришлось лежать 20 часов под адским огнем. Двинуться нельзя было, но группа Казанцева все-таки пробилась. А вот отряд лейтенанта Гамбурцева, которого я знал еще по Новому Саду, где он был начальником "Русского Сокола", к несчастью, погиб. Мы повстречались с этим отрядом между Смедеревом и Гроцком. Видим, на хуторе рота Гамбурцева, раздетая, отдыхает. Так они и попали в лапы Советам. Мы пошли дальше, а они еще мылись и отдыхали, оружие чистили. Вероятнее всего, они попали в плен и их расстреляли.

Мы же две недели не останавливались, не спали, не ели, не раздевались. Были случаи под Авалой, что мы пили лошадиную мочу. Она с кровью шла, потому что лошади были ранены. И вышли-таки из окружения под командой лейтенанта Казанцева. А офицеры, которые имели более высокие чины, тот же Нестеренко, во время этой операции говорили:

- Господин лейтенант, мы Вам мешать не будем.

И брали под козырек.

Советские части уже были в 200-250-ти метрах от нас. Советская тяжелая артиллерия била по нашим позициям день и ночь.

Мы пробились в километрах 3-х или 4-х от Смедерева - оттуда на Белград вела дорога. Шли мы, конечно, не по главной дороге. И вот, наконец, остановились на ночлег у небольшого моста. Расположились по его бокам. Что-то много там было веток и листвьев навалено, но мы, не задумываясь, прикорнули на них, не выпуская из рук винтовок.

Под утро, когда нас снова начали обстреливать и мы собирались уходить дальше, оказалось, что под этими ветками лежали трупы советских солдат - голые, распухшие. Мы такими уставшими были, что не почувствовали даже их зловония. А голыми они были потому, что, вероятно, их сами партизаны и обобрали. Было их человек 20-25. Очень тяжело стало на душу. Мы их перекрестили и пошли дальше. Хоронить не было никакой возможности. Видимо, они здесь хотели перейти через реку, немцы их подпустили и расстреляли почти в упор.

Мы пробивались дальше. Шли, шли всё время под обстрелом «катюш» под проливным дождем, уже почти без патронов. Сбоку еще партизаны наседали, но они стреляли с опаской, так чтоб не особенно высывать голову.

Однако опасность подстерегала не только извне. Был в нашей

группе подсоветский лейтенант Соколовский, здоровый парнишка. Попал он где-то в плен и был прислан нам в качестве пополнения. К концу войны он стал все время подбивать солдат, чтоб не слушались, чтоб делали все наоборот, сам же он хотел возвращаться к Советам.

Какая-то ссора возникла в пути, и он выстрелил в своего же однополчанина - убил пулей в живот. Здесь, сразу, конечно, военно-полевой суд. Заседали пять минут, приговорили к расстрелу. А кто приведёт приговор в исполнение? Парнишке 23 года, но полагалось расстрелять - военное время, идём под пулями. Назначили отделение под командой лейтенанта Казанцева. А он наотрез отказался. Не сдровить бы всем нам, если б поручик Фишер не вызвался сам расстрелять Соколовского, и сделал это из собственного револьвера. Спас он этим Казанцева, и нас.

Правда, Соколовскому, вероятно, туда и была дорога, но расстреливать человека, делившегося с нами боевую страду, в сущности, мальчишку, Казанцев не мог. Вот за это, как и за храбрость, его солдаты сильно любили. Он защищал солдат. Ведь Соколовского надо было, быть может, сто раз расстрелять, но он даже таким не желал зла.

Однако был другой случай еще хуже. У какого-то немца в хозяйственной части из сумки наш солдат украл рубашку. Это было в начале 1945-го, война уже кончалась. Но немцы заставили этого солдата отдать под суд. Присудили к расстрелу, так сказать, в назидание.

Аудитор был немцем, защитник наш юнкер-офицер - из подсоветских. И тоже назначили наш взвод, чтобы привести приговор в исполнение. Это был хороший мальчишка, просто, видать, голодно ему было, рубашку на еду хотел обменять. Если б он у русского эту рубашку взял, ничего не случилось бы. Мы все возмутились: «Расстрел! За что?» Это было лишь, чтоб показать, что дисциплина не должна падать. А она у немцев - не у нас - уже давно пала. У нас же дисциплина была даже в лагере Кетерберге после сдачи в плен.

И лейтенант Казанцев снова отказался. Я лично ходил тогда с ним к командиру 2-го полка, и он сказал полковнику Мержанову, что его подчиненные расстреливать не будут. И настоял на своём. Увы, несчастного мальчишку расстрелял офицер другого взвода.

Дело в том, что лейтенанта Казанцева немцы уважали, а-то и побаивались. У него был крепкий кулак за собой - его подчиненные. Как и у начальника конного взвода, другого героя Русского Корпуса, поручика Петра Голофаева, в отряде которого проявляла бешеную отвагу его собственная жена «Нина-пулеметчица». Эти группыостояли бы за своих командиров, если надо - умрут все. (Вот только отряд Голофаева - «охотничья команда» - отличался тем, что был очень хорошо вооружен: от головы до пяток. У него во взводе было больше оружия, чем во всей нашей роте, и обоз был солидный, всего у него там было вдоволь...)

У лейтенанта Казанцева без-

удержная отвага и полное хладнокровие в бою сочетались с христианским милосердием. Потомственный дворянин Оренбургской губернии, сын белого офицера, принявшего в эмиграции священнический сан, Леонид Казанцев сам незадолго перед смертью станет диаконом. В первых боях он даже старался, стреляя, не убивать, а лишь ранить противника. И только когда вокруг него стали падать его боевые товарищи, отбросил этот свой обычай.

Он ни разу не матюгнул солдата, ни разу не обидел. А солдаты же постоянно присматриваются к качествам своего командира... Вот почему он был идолом для них. «Это наш Лёня», - так выражались солдаты, и ни о ком другом подобные слова нельзя было услышать. Он был для них святыней, и не потому что умел устроиться хозяйственно. В этом отношении он был - ноль. Нет, ценили его и любили за боевые и человеческие качества.

Поэтому наши солдаты-галичане шли за нами, не задумываясь. Мы никогда не опасались, что у нас кто-нибудь застянет или что за нами никого не окажется. Мы шли вперье, не оглядываясь. Были стопроцентно уверены, что солдаты не сбегут.

На привалах я много с Лёней беседовал. На войне как-то мало о ней самой разговариваешь. Главной темой всегда была Россия. О чем же еще говорить, когда знаешь, что завтра или вот через пять минут погибнешь?

Сразу после начала германо-советской войны лейтенант Казанцев пошел добровольцем на Восточный Фронт в рядах Бранденбургской дивизии - помочь России. Он рассказывал об этом периоде ужасы. Говорил, что видя творимое немцами, - потерял свою молодость. Казанцев многих спасал. Врал немцам. Знает, что кто-то там что-то поджёг, а он, втирая немцам очки, спасал несчастных колхозников, у которых немцы отнимали самое последнее, то, что не успели отобрать коммунисты.

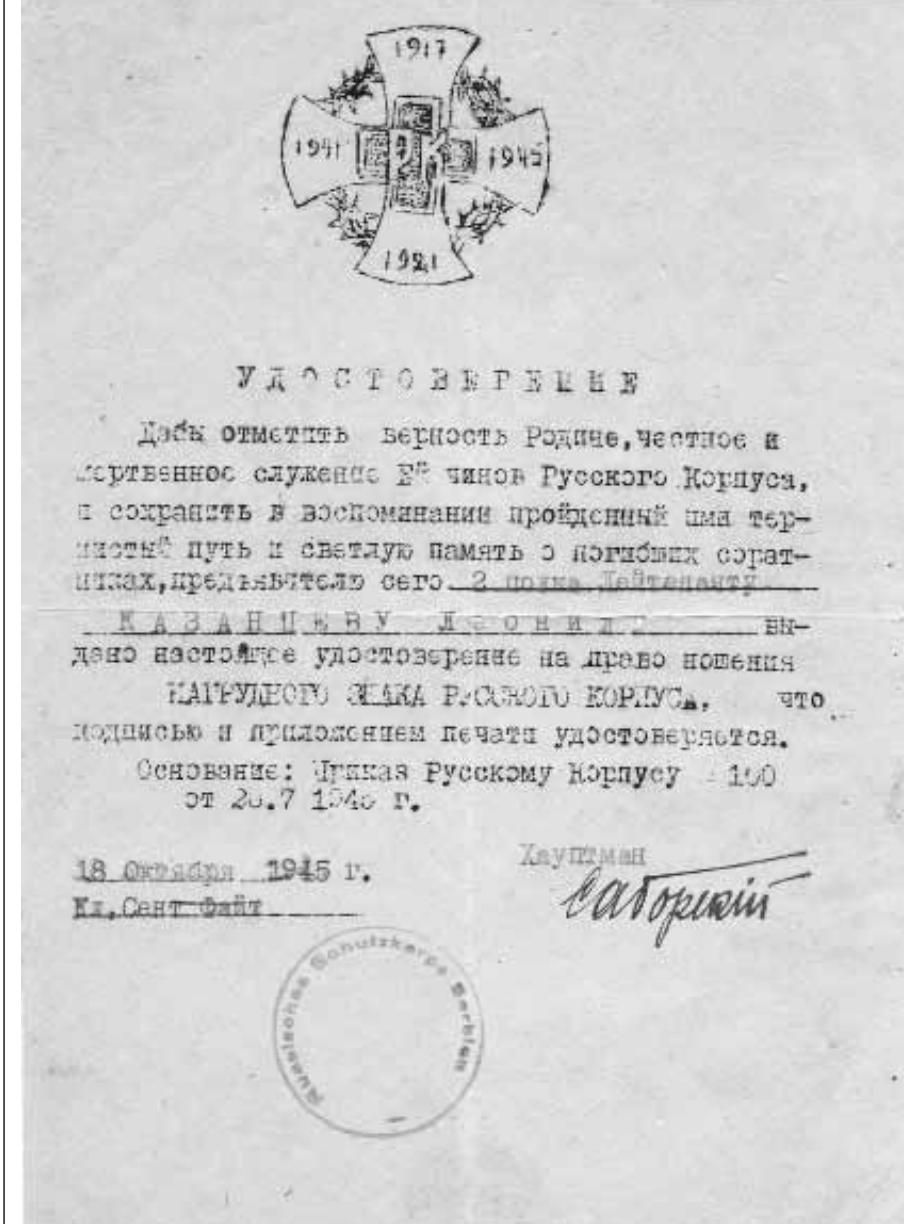
Сколько крупных неприятностей там у него было, сколько несправедливостей привелось претерпеть! Он еле-еле вырвался из России, немцы его уже подозревали в сообщничестве с партизанами, он мог сам в любой момент погибнуть.

А пока не выехал, чтоб поступить в Русский Корпус, спасал русских людей от насилия, от расстрела, от насильтвенной отправки на работы в Германию. Чтоб спасти людей, подделывал документы. Никакими коммунистами эти там поджигатели не были - во всех избах иконы висели. Проклятые немцы! - они и кончили плохо.

С Бранденбургской дивизией он дошел до Терека, оттуда до родного Владикавказа - рукой подать. Но начали немцы откатываться назад. И вот рассказывал он, что горцы на ломаном русском языке с неподдельной гордостью ему говорили: «Мы - русские».

Рассказывал, как впервые перешёл русскую границу и землю поцеловал. Подымается с колен и видит, как у русских же людей насмешка на губах - где им понять чувства русского белого эмигранта...

Там он познакомился со старым эмигрантом, журналистом и художником Николаем Ивановичем Плавинским - тоже пошедшем на Восток служить России. Впоследствии в корпусной газете, издаваемой корниловцем полковником Е. Э. Месснером, Плавинский описывал подвиги "лейтенанта К". И вот любопытное

УДОСТОВЕРЕНИЕ. Дабы отметить верность Родине, честное и жертвеннное служение Ей чинов Русского Корпуса, и сохранить в воспоминании пройденный ими тернистый путь и светлую память о погибших соратниках, предъявителю сего, 2-го полка лейтенанту КАЗАНЦЕВУ Леониду, выдано настоящее удостоверение на право ношения НАГРУДНОГО ЗНАКА РУССКОГО КОРПУСА, что подписью и приложением печати удостоверяется. Основание: Приказ Русскому Корпусу № 100, от 28.7.1945 г. Хауптман Саборецкий (неразборчиво) 18 Октября 1945 г. Кл. Сент Файт

совпадение: в 1936-1938 гг. Николай Иванович редактировал в Софии газету известного монархического мыслителя Ивана Лукьяновича Солоневича «Голос России». А ровно 30 лет спустя - и по сей день - другую, основанную Солоневичем газету, издающуюся в Аргентине «Нашу Страну», стал редактировать старший сын лейтенанта Казанцева - Николай Леонидович.

Часто вспоминали мы и о детстве, Лёня много рассказывал о кадетском корпусе. Рано умер его отец, в материальном смысле жизнь у него была тяжелой. Вообще, в больших городах Югославии белые эмигранты жили бедно. Легче было тем, кто осел в провинции.

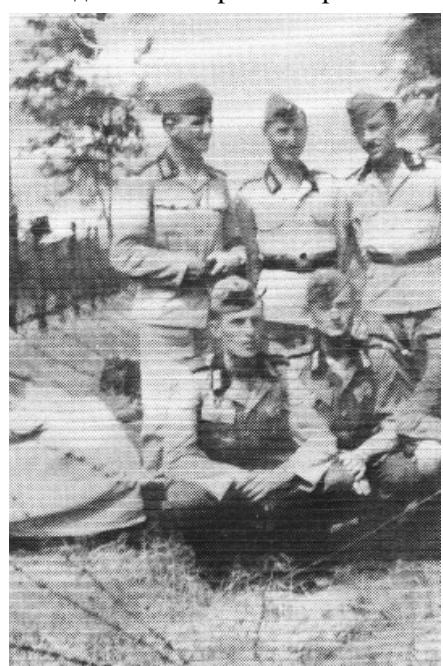
Казанцев окончил Югославянскую Военную Академию первым, но поскольку он был русским эмигрантом, то первую награду, саблю, вручили сербу, а ему - вторую, часы. Награды вручал король Петр II. Лёня эти часы после войны, чтобы своей маме что-то привести, обменял на продуктовый пакет, который целый год держал в неприкосновенности, пока не нашёл Зою Павловну. Сам голодный как зверь, он этот пакет вёз своей маме целый год, но не прикоснулся к нему. В лагере Келлерберге я делился с ним моим скучным пайком.

Да, большей частью мы говорили о России. Ну - и о Сербии. Сколько сербских жизней спас Русский Корпус, защищая население не только от коммунистов, но и от - особенно - этих паршивых усташей-хорватов! Мы лупили хорватов всюду, где могли и где не могли. Ведь эта сволота Анте Павелича, только потому что они были православными, убила в Боснии и Хорватии около миллиона православных сербов. Усташа считались нашими союзниками, но мы им пощады не давали.

Проклятые хорваты. Мы сами видели в горах, в Боснии: подходим к дому, а перед домом целая сербская семья зарезана - тут и старики, и старушки, и дети, мужчины же в это время в партизанах или в четниках были...

Так вот, иногда хорваты занимали позиции рядом с нашими, и мы всегда старались их побить, так, чтоб никто не мог придраться. Они это знали и шарахались от нас больше, чем от партизан.

Титовские партизаны, впрочем, тоже хороши были. Например, молоденькие сербки-партизанки

Чины взвода лейтенанта Леонида Борисовича Казанцева. Слева направо. Стоят: А. И. Анфилов, А. А. Тубольцев, А. П. Калашников. На корточках: К. Лопатин и П. П. Тихонов. Рудник Бор, Сербия. 1942 год.

зазывали наших солдат - предлагали себя на позициях. Правда, этим больше били на подсоветских солдат. И тех, кто к девкам пошёл, соблазнился, - нашли затем истерзанными. Вырезали у них всё, что можно было вырезать, а потом расстреливали. Вообще, лучше было застрелиться, чем попасть к красным в плен. Под Авальной мы все хранили пулю для себя, но погоны не сняли, как их снимали немцы.

Однако мы не расплачивались за жестокость жестокостью. Было однажды такое: мы боем пробились в Биелину, большой город Югославии. В центре города заняли гимназию. Выставили танк (его нам придали немцы) - город в наших руках. В гимназии сторож - бывший «сокол» - угостил нас большой кастрюлей гуляша. Но я сперва пошёл часовых расставлять - трехэтажное было здание. И вот на третьем этаже находился спрятавшаяся партизанка: в сербской форме и с красной звездой, - дочерью сторожа оказалась. Я доложил Лёне. Стали думать, что делать? Ведь если отдать немцам - расстреляют. Сорвали мы с неё звезду и - Бог с тобой, уходи. Ее родители нас на коленях благодарили...

Но вернёмся в Велико Градиште. Уже Белград был взят советскими войсками, а мы всё на Дунае «Вещего Олега» поём и отбиваемся, как от мух, от партизан. Советские войска нас обстреливают. Несмотря на присутствие командира батальона, командира роты и обер-лейтенанта, фактически командует всей группой никем не назначенный молодой лейтенант Казанцев. Наконец приходит приказ из штаба полка отступать от Велико Градиште.

Приказ пришёл вовремя: осталось буквально пять минут до нашего полного окружения. Оставляем наши казармы в центре города, выходим из Велико Градиште. Проходим 5-6 километров строем, с песней и вдруг... приказ возвращаться: «Устройтесь на Доны Милановац и не рыпайтесь». (Там стояла часть корнета Черниченко и другие, но они тоже уже отходили, понеся потери до сорока процентов своего состава). А за это время партизаны уже заняли наши казармы! Мы возвращаемся, но титовцы не принимают боя - покидают казармы, предварительно всё разграбив.

Проходят два-три дня, положение жуткое, связи никакой нет, и вот, совершенно случайно, наш телефонист поймал приказ уже от штаба корпуса - выступать нам снова. Если бы этот приказ генерала Штейфона, крышка бы нам. Мы, конечно, дрались бы до конца, но не партизаны, а советская армия нас бы раздавила.

Вышли мы на Гродск, двинулись к Белграду по Авальскому шоссе... и наткнулись на советские танки. У нас же не было никакой связи, а Белград, оказывается, уже пал. С этого момента мы и попали на гору Авала. Идём дальше. Идём, идём, выбиваемся из сил, кажется, вот-вот свалимся с ног, но вот налетают советские истребители, и откуда-то появляется энергия, чтоб добраться до какого-нибудь укрытия.

Две недели шли ободранные, босые, по дороге собирали оружие, брошенное другими, но, конечно, обозы наши потеряли. Больше всего мне было обидно, что пропали отснятые на войне фотографии.

Вообще, самые тяжелые бои Русского Корпуса были именно под Авальной. Много писалось о боях в

Бусоваче. Но там был сосредоточен кулак - части из трех полков под командованием легендарного полковника Рогожина, будущего командира Русского Корпуса. Они были все вместе. А сколько нас было? Брошенных... Супротив советской армии нас была капля в море, 250-300 человек. Да и вообще на протяжении всей войны 2-й полк был разбросан по всему Дунаю, по маленьким деревням, взводами. Поэтому самые большие потери были именно у 2-го полка - до 80-ти процентов личного состава.

Не случайно после боев у Авала в местечке Старая Янковца были выстроены перед командиром Русского Корпуса остатки 2-го полка, выведенные из окружения лейтенантом Казанцевым. И вот перед всеми генерал Штейфон официально, приказом по Корпусу, объявил лейтенанта Казанцева героем Корпуса, призвал следовать его примеру, а нам, всем его подчиненным, выразил свою благодарность.

Героизм свой наш Лёня проявил и в деле под Биелиной, где я, кстати, заработал Железный Крест - взял холм «на ура». И лейтенант Казанцев меня к нему представил, и немцы представили - за одно и то же дело. Был это конец 1944-го и нас послали из Брко пробивать дорогу 7-й немецкой армии, которая, отступая из Греции, где-то застряла.

Послали сборную роту под командой полковника Нестеренко. Говорилось: «Нестеренко», - а выговаривалось: «Казанцев». (Здесь надо сказать, что Нестеренко, будучи храбрейшим офицером, способным атаковать в лоб врага, опираясь на свою трость, - он с трудом тянул свою левую ногу - за годы, истекшие после Гражданской войны, стал глубоко штатским человеком, потеряв способность разбираться в военной обстановке. Причём, Нестеренко это сам признавал, потому что, когда генерала Иванова назначили командиром 2-го полка, а ему предложили пост начальника первого батальона, то он заявил, что примет назначение только лишь при одном условии: что лейтенант Казанцев будет его адъютантом. Однако Казанцев, фронтовик до мозга костей, от этой чести отказался, в силу чего начальником 1-го батальона был назначен полковник Мамонтов).

Как я уже говорил, перед Биелиной нам придали танк - он шёл за нами. Справа был большой холм, слева - лес. И вот на нас обрушились со

Чины взвода лейтенанта Леонида Борисовича Казанцева учебной роты 2-го полка. Слева направо. Верхний ряд: А. Анфилов, Анатолий Петрович Калашников (ныне здравствующий в Буэнос Aires) и Павел Павлович Тихонов. Низший ряд: Анатолий Александрович Тубольцев, Франц Анфилов и К. Лопатин.

всех сторон. Лейтенант Казанцев приказал одному из унтер-офицеров занять положение под холмом, но вместо этого тот каким-то образом оказался в тылу. Там стояли тяжелые пулеметы и не давали нам проходить. Подъем был весьма крутой. С одним отделением я «на ура» атаковал холм - и мы его взяли. За всё это дело первым должен был получить орден сам Казанцев. Он сто раз его заслужил - и первой степени орден. Как ни странно, Казанцев не был, однако, представлен к награде.

Только Бог знает, как нас там не скостили. Метров 90 надо было подняться, чтоб пробить себе дорогу. Захваченный у врагов пулемет мы повернули и начали стрелять по сбегавшим с холма партизанам и болгарам. Этот пулемет, который я захватил, потом передал моему заместителю Судко. Он стрелял, пока не произошла осечка. Выручили немцев и на этот раз...

Русский Корпус критиковали за то, что он пошёл воевать вместе с немцами. На это наш командир, генерал Штейфон (вместе с генералом Кутеповым - один из создателей лагерей эвакуированной греческой армии в Галлиполи), ответил: «Хоть с чёртом, но против большевиков». И правильно ответил. Что еще отвечать? Не всё ли равно с кем? «Хоть с абиссинцами», - так мы всегда говорили на фронте. Мы же не поступили в Русский Корпус свою шкуру спасать. И большинство из нас не выжило, а погибло. Когда в 1944-ом году после покушения на фюрера был приказ по Вермахту употреблять приветствие «Хайль Хитлер», то мы вообще эти слова не повторяли. Хотя были остряки, которые вместо них издавательски говорили: «Хальб литер» («пол литра» - в переводе на русский). И не присягали мы ему.

Мы будем Гитлеру присягать?!

Я, например, до прихода немцев жил в Банате, богатейшей провинции Югославии. Мы жили хорошо, пошли в Корпус не за кусок хлеба. Пошли идеино. Мы проклинали, а не присягали. Хоть и священник наш там стоял, - вот и с такой хитростью хотели привязать нас к себе немцы.

И ещё критиковали Русский Корпус, потому что его штаб был сплошь монархическим. Да, там засели одни монархисты-легитимисты во главе с генералом Штейфоном и начальником штаба генералом Гонтаревым. Это кое-кому не нравилось. Возмущались, что, мол, черносотенцы забрали в руки Корпус. И слава Богу! - не «солидаристы». Многие потом говорили, что Штейфона все-таки отравили в самом конце войны, и даже называли имя доктора, который будто бы его отравил.

Во всяком случае, за десятилетия, прошедшие после конца Гражданской войны русский народ понял, что он имел и что он потерял в лице Белой Армии, неотъемлемой частью которой являлся и наш Русский Корпус на Балканах. И идеи этой армии, не выиграв в военных столкновениях, теперь всё сильнее охватывают Россию.

Такие рыцари без страха и упрёка, как лейтенант Леонид Борисович Казанцев, не дожили до выздоровления родины, которой они отдали всю свою молодость без остатка. Но именно их жертва впиталась в русское сознание и ныне даёт всходы. Вечная им память!

Унтер-офицер П. П. Тихонов ("Наша Страна № 2286, 1987 год)

Мария Кублицкая

РОССИЙСКИЙ ФАШИСТСКИЙ СОЮЗ В АРГЕНТИНЕ (4)

Предыдущая часть статьи закончилась цитатой: «Наступает момент действий». Каких именно действий? По книге побывавшего в Аргентине в 1935 году журналиста К. К. Парчевского («В Парагвай и Аргентину», Париж, 1936), вся белая русская колония в Буэнос-Айресе составляла приблизительно 500 человек; известно, что из них в местном отделе РОВСа состояло 30 человек. Численности других организаций мы не знаем, но судя по повторению в печати одних и тех же фамилий – она была весьма незначительна. Представляете, как отряд из нескольких десятков бравых стариков-полковников и немолодых хорунжих поплынет из Аргентины «брать Москву»? Я тоже не представляю. В благословенной, но глубоко провинциальной Аргентине белые русские, как нам кажется, склонны были преувеличивать в печати и свои возможности, и свое влияние.

Например, весьма скромное достижение колонии – устройство обществом Красного Креста 8-10 сентября 1938 года Российского Национального Киоска с чаепитием на большом Благотворительном базаре в помещении Asociación Femenina Cristiana (Христианской Женской Ассоциации) – воспринималось участниками как глубоко патриотичное действие, исполнение своего русского долга и даже залог возрождения России. Вот что писал Атаман Казачьей Станицы Е. А. Федоров в статье под заглавием «Памяти Твоей»: «Об этом (то есть о том, что открытие киоска посвящено Памяти России — М.К.) говорил величественный двуглавый орел, герб Великой России. Об этом свидетельствовал наш национальный флаг. (...) Жива национальная Россия! Всё делалось во имя Её, в память о Ней — нашей Родине. И всё подтверждает наше основное, чем живем, во что верим: Родина воскреснет!» («Время» № 52, 24 сентября 1938).

На самом же деле, в политическом отношении единственным реальным действием «правых» русских в Аргентине было — печатное слово. Известно, что в «правой» аргентинской печати публиковали статьи Г. Ф. Башкиров и председательница Красного Креста София Антоновна Боронат, в «левой» — П. П. Шостаковский; имена других авторов нам пока неизвестны.

Отдельного упоминания заслуживает изданная в Буэнос Айресе в 1940 году на испанском языке книга (96 стр.) Н. П. Александрова «Nace un nuevo mundo» («Рождается новый мир»). Поскольку автор книги являлся одним из учредителей и членов редакции газеты «Время», то высказанные им идеи нам уже знакомы: итальянский фашизм и немецкий нацизм не являются тоталитарными системами, так как признают право частной собственности; они не являются врагами демократии; врагами демократии являются только коммунисты; люди должны сплотиться вокруг церкви и идеи нации, чтобы противостоять коммунизму.

Николай Петрович Александров (1886-1967), доктор экономических наук, учился в России у профессоров А. А. Чупрова, И. И. Иванюкова, А. С. Постникова и М. М. Ковалевского («Время» № 28); «банковский деятель» в России, затем русский торговый

агент в Болгарии. Александров в марте 1935 года переселился с семьей из Франции в Парагвай, откуда отсыпал корреспонденции о положении русских колонистов в парижскую газету «Возрождение» и в журнал «Эклер де Нис». Однако, в марте 1936 года он, увидев полную невозможность открыть «большое дело с привлечением крупного иностранного капитала» в Асунсьоне, переехал в Буэнос Айрес («Русский в Аргентине» № 294). «С корабля на бал» — уже 5 апреля 1936 года Александров явился на собрание Младороссской партии и, выслушав доклад К. М. Рошковского о «происходящей в России эволюции», «отступлении советской власти перед требованиями жизни и нации» и об «отмирании коммунистических идей», — ввязался, очевидно, в жестокий спор, который в печати был именован «обменом мнений» («Русский в Аргентине» № 297).

Другим известным членом русской колонии, верившим в 1930-х годах в идеи фашизма, был полковник Отдельного Корпуса Жандармов Сергей Александрович Прокопович (1872 - после 1942). В журнале «Наши Вести» (США) в 1977-1987 годах, в ряде номеров, были опубликованы по сохранившейся рукописи его мемуары «Мои воспоминания с 1904 по 1920 годы», написанные в Буэнос Айресе в 1936 году.

Он публиковал статьи в русских газетах, выступал с докладами: например, 25 сентября 1938 — об истории Корпуса Жандармов в России («Время» № 51). В 1938 году Прокопович издал брошюру на 16 страницах «Путь в новую Россию», в которой писал: «Моя основная мысль — предупредить национальную интеллигенцию, особенно молодое поколение, от повторения ошибок старшего поколения. Сейчас еще не поздно; но сроки нашего возможного скорого возвращения на Родину приближаются. Мой труд — схема того пути, который, по моему мнению, только может привести нас в национальную Россию».

В составленной им «Памятке для русской национальной молодежи» (Буэнос Айрес, 1942, 64 страницы), в форме вопросов и ответов, помимо сведений об истории России и Церкви, великих русских людях, российском законодательстве и эмблемах государства, Прокопович излагал и свойственные большому кругу русских эмигрантов политические суждения: «Что такое итальянский фашизм? — Новый порядок устройства государства, созданный вождем итальянской нации Бенито Муссолини. Порядок этот посильно разрешает тяжелую задачу примирения интересов труда и капитала; создает в стране возможно лучшее социальное (общественное) устройство. — Что такое германский национал-социализм? — В основе схож с

итальянскими фашизмом. Создан вождем германской нации Адольфом Хитлером. Призывает он свой народ не только к национализму, но и к расизму (арийцы), который враждебен иудейству, семитизму (неарийцы), видя в нём зло для всего человечества. — Что такое испанский фалангизм? — В основе схож с итальянскими фашизмом и германским национал-социализмом. Вождем испанской нации является генерал Рамон Франко. — Что является как бы прообразом этих трех национальных однородных идей? — Союз Русского Народа в России, а после революции — белое движение, что не было тогда осознано и оформлено в определенную национальную идею» (стр. 60).

Безусловно, написанное Н. П. Александровым и С. А. Прокоповичем в наше время кажется фантазиями... Но тогда уж надо признать, что фантазировали — оба лагеря. Например, младороссийский «Русский в Аргентине» крупным шрифтом на первой странице № 459 от 20.5.39 года напечатал новость: «В России власть переходит в руки интеллигентии»; в № 475 от 9.9.39 Б. П. Павлушкин писал: «Россия, Италия и Германия молодые величайшие народы, полные сил и жизни. В поисках правды, в борьбе за лучшее будущее всего человечества идут к одной и той же цели, но разными путями».

Сведений о реальном участии белых русских в европейских военных событиях 1930-х годов до Южной Америки практически не доходило. Однажды, правда, Младороссы разразились язвительной заметкой по поводу публикации в немецкоязычной аргентинской газете «Дейче Ла Плата Цайтунг» писем к брату в Берлин — от полковника Русской Императорской Армии Александра Гурского, воевавшего в Испании на стороне ген. Франко. На слова Гурского о том, что генералы Н. В. Шинкаренко и А. В. Фок поступили в войска Франко простыми солдатами, «Русский в Аргентине» (№ 460, 27 мая 1939) заметил, что «испанские офицеры не только не были тронуты высокими идеалистическими порывами русских добровольцев, а просто ограничились назначением их на роль военных лакеев» и что русские были вынуждены «чистить иностранные сапоги».

Последним найденным нами упоминанием о русских фашистах явилась статья без подписи в № 452 от 1.4.39 «Русского в Аргентине». В ней сообщалось, что в парагвайском городе Энкарнасьон действует «небольшая шайка бездельников и пьяниц», которая «прикрывается вывеской Всероссийской Фашистской Партии» и берёт на учёт читающих, как она считает, большевицкие газеты, а именно «Последние Новости», «Русский в Аргентине»,

«Слово», «Бодрость», — «словом, всю эмигрантскую прессу за исключением порнографического листка Солоневича и рукописно-бланкетного «Вестника РФП» и пр.».

Изжило себя и Младороссийское движение. Вот что писал об этом возвращенец Г. А. Бенуа: «Хорошо понимая, что в России советский строй укрепился, молодые эмигранты мечтали о русском царе в лице великого князя Кирилла Владимировича, который мог бы править Россией в содружестве с «совдепами». (...) Так в молодой эмиграции произошел раскол и выделилась партия младороссов, вошедшая в русло итальянского фашизма. (...) У нас, в Буэнос Айресе, младороссами руководил князь Волконский, направленный А. Казем-Беком из Парижа, бывший морской офицер. Ввиду того, что политическая жизнь шла очень вяло, а быть может и потому, что младороссы не нашли в белой колонии сторонников, партия не смогла проявить своего лица. Самой активной личностью у аргентинских младороссов была Галина Толмачева, жена артиллерийского капитана. (...) Что же стало с новоявленной партией? Волконский, служивший в Бельгийской электрической компании, умер, жена его, урожденная Грекова, тоже младороссика, уехала в Чехию. Г. Толмачева начала стареть и покинула организацию, как и большинство эмигрантской молодежи, разочаровавшейся после Второй Мировой войны в политической программе партии» (Георгий Бенуа «Сорок три года в разлуке. Воспоминания». Журнал «Простор» (Алматы) № 10, 1967, стр. 92-93).

Однако же, насколько нам известно, в русской аргентинской печати времени Второй Мировой войны уже не упоминались Младороссийская и Фашистская партии, а споры между двумя лагерями русской белой колонии были спорами «оборонцев» и «пораженцев».

Начавшаяся через несколько месяцев после конца описанных здесь событий война уничтожила многие иллюзии, заставила многих пересмотреть свои взгляды...

Не можем не согласиться с Киевским Мужиком (Н.А. Чоловским), который написал в мае 1941 года: «Я обвиняю Гитлера и Сталина, как двух диктаторов, двух главных виновников настоящей войны. Войны небывалой, войны, которая калечит и убивает невинных детей и женщин; войны, которая разрушает города, деревни, парки, сады, жилища, фабрики, театры, клубы, библиотеки, музеи, госпитали, памятники искусства, архивы и все ценности человечества, достигнутые и накопленные тысячелетиями. (...) Я обвиняю Сталина, как социалиста-коммуниста, подавшего руку своему коллеге Гитлеру. Своим пактом Сталин толкнул последнего на бойню, на великое преступление, невиданное по своей жестокости и разрушениям. (...) Я обвиняю коммунистов, социалистов, фашистов и всех тех, кто разращает, убивает веру, мораль и религию в человеке» («Сеятель» № 12, стр. 9).

Выражают глубокую благодарность кандидату исторических наук В. Ю. Черняеву (Петербург) за помощь в написании статьи.

**«РЕДАКЦИЯ НАШЕЙ СТРАНЫ»,
ПРИНОСИТ СВОЮ ГЛУБОКУЮ
БЛАГОДАРНОСТЬ ВСЕМ ЖЕР-
ТВУЮЩИМ НА ЕЁ ИЗДАНИЕ.
ВАШЕЙ ПОСИЛЬНОЙ ЛЕПТОЙ ВЫ
ДЕЛАЕТЕ ВОЗМОЖНЫМ ВЫХОД
В СВЕТ ПОСЛЕДНЕЙ БЕЛОЙ
МОНАРХИЧЕСКОЙ ГАЗЕТЫ.**